

Некролог

ПОХЛЕБКИН ВИЛЬЯМ ВАСИЛЬЕВИЧ (1923—2000)

Это произошло 22 марта 2000 года.

Вильям Васильевич приехал домой в Подольск из Москвы, как это часто бывало, на последней электричке. Уже давно стемнело. Поднялся к себе на этаж. Остановился, прислушался. Он всегда так делал прежде, чем войти в квартиру. Вроде бы, тихо.

Быстро открыл замок и хотел по обыкновению проскользнуть в дверь. Вдруг сзади его обхватила какая-то рука и заткнула ему рот, чтоб не кричал. Кто-то втащил его в квартиру и здесь у самого порога всадил в его грудь отвертку. Полилась кровь. И новый удар отверткой в грудь.

Его о чем-то спрашивали. Он что-то говорил или кричал от боли. Таскали его по всей квартире, по всем трем комнатам, уставленным книгами, книгами, книгами. А из ран лилась кровь. Тысячи книг на стеллажах сделали эту квартиру труднопроходимой: она была похожа на книгохранилище какой-то научной библиотеки. Здесь были редчайшие фолианты, которые владелец привозил из своих походов по деревням российского Севера, много уникальных изданий этот книголюб закупил в московских магазинах раритетов: все букинисты столицы знали его в лицо и оставляли ему ценные издания, зная, что за них он готов отдать столько, сколько попросят. Но книги убийц-налетчиков не интересовали. Все тома, в том числе и бесценные, так и остались стоять на полках.

Тогда что? Деньги? Но вся округа знала, что у него денег нет. Когда он ходил на почту или по магазинам Подольска вид у него был самый затрапезный, его сравнивали с бомжем, настолько неприятными и старыми, а зачастую и просто ветхими, были его пиджаки и брюки. Выходной костюм у него оставался один. В нем он и ездил на официальные встречи в Москву, да и то не всегда. Как-то

один из дипломатов через два дня после встречи с ним в посольстве увидел его в общарпанном виде в метро. Вильям Васильевич приметил знакомого и хотел спрятаться за спинами других пассажиров, но дипломат приблизился и тихо произнес: “Не пытайтесь спрятаться, господин Похлебкин. Хотя Вы и удачно замаскировались, но я Вас все равно узнал.” . . . Уже потом много дней спустя, когда нашли его тело, в кармане пиджака следователь обнаружил две сберегательных книжки, залитые спешившей кровью. Вклады на них были совсем небольшими . . .

Тогда что? Коллекция орденов? Да, об этом во всю писала наша “желтая” пресса. Свои предположения в этом направлении высказывал даже один из следователей. Неправда все это! Не было у него никакой коллекции орденов. Во-первых, чтоб заводить такую коллекцию (не говоря уже о том, что это незаконно, а он был идеально законопослушным человеком), надо иметь огромные деньги. Да, он был крупным специалистом в области эмблематики и геральдики, писал на эти темы книги. Но мало кто знал, что он был к тому же и прекрасным художником-миниатюристом и умел спокойно рисовать-копировать любую медаль, любой орден из книги или из альбома. Да и зачем ему нужна была коллекция орденов? Она бы отнимала у него, какое-то время, которое ему так необходимо было для работы над очередной рукописью.

Во-вторых, его сын Август, проживший в этой квартире с отцом очень долго и знающий в ней каждый уголок, утверждает: “Нет, не было у папы никакой коллекции, да и не могло ее быть, не такой он по характеру человек”. Того же мнения придерживается и дочь Гудрун, которая живет с семьей и работает в Тарту, но которая тоже не один год прожила в этой квартире в Подольске.

Что же в таком случае искали выродки-истязатели? Поскольку все полы в квартире залиты кровью, его таскали и пытали в каждой из комнат. Семь отверсточных ран нанесли ему в грудь. И еще вертели отверткой в теле, вызывая новые страшные дикие приступы боли у полуживого старика. Он уже умер после удара отверткой в сердце. Его перетащили на кровать и там нанесли той же отверткой еще один удар — в висок, чтобы разбить череп, и ковырнуть в мозгу гениального ученого.

Так что же хотели найти бандиты? У Вильяма Васильевича было огромное число неопубликованных страниц книг, брошюр, статей. Все это было аккуратно сложено под его рабочим столом, в нишах квартиры, в углах комнат, на полу, прикрыто какой-то материей. Он как-то принес список своих неопубликованных работ в редакцию, его можно было сравнить по объему со списком опубликованных. И вот это все неопубликованное, страницы всех этих рукописей были разбросаны по всей квартире, покрывала с рукописей были сорваны, листки, хаотично валялись на полу . . .

Вот что, оказывается, искали киллеры. Им нужны были какие-то рукописи . . . Нашли они их или нет, не узнает теперь никто, потому что подробного списка всех рукописей не было и сейчас ни у кого нет . . .

Однако рукописи, судя по всему, оставались побочной целью, а главной изначальной все-таки была — покончить с ним самим.

Кому же мешал он тем, что жил, этот невысокого роста человек, “кулинар и геральдист”, как его окрестили бойкие шелкоперы из разных однодневных газетенок, которые гонятся только за сенсацией, наперегонки обставяя соперника, лишь бы ошеломить, удивить читателя очередной душераздирающей сенсацией?

Мы, его товарищи-одноклассники, как и он, закончившие МГИМО в 1949 году, знали его на протяжении пятидесяти пяти лет, с тех пор, как он с фронта пришел в институт. Он был разносторонним ученым: историком, юристом, экономистом, а в целом Политиком-Международником, подлинным энциклопедистом наших дней. Все, о чем он писал, было глубоко обоснованным, осмысленным, снабженным многими фактами, подвергнуто серьезному анализу. А главной особенностью его творчества была та, что он стремился поделиться

своими знаниями. Встречался с людьми — говорил, рассказывал, убеждал; а дома — работал, обдумывал, писал, писал, писал . . . Жил без телевизора и радио, чтоб не мешали . . .

Он был ершистым автором, спорил до хрипоты с редакторами-неумехами, отстаивая каждую написанную букву, читал гранки и верстку обязательно уже после того, когда их обрабатывали корректоры. С ним было трудно работать, потому что он постоянно что-то правил, заменял или дописывал. Но зато получались шедевры. Зато ему присуждались, начиная с младых ногтей премии, причем весьма престижные — и от МИД СССР, и от ЦК ВЛКСМ, и от многих газет и журналов, — кончая в последние годы крупными международными вроде Ланге Черетто (в области алиментационной истории, Италия, 1993 г.) или Гуго Гроция (в области международного права, ООН—Голландия—Россия, 1999 г.). Зато он стал — единственным из многих тысяч выпускников МГИМО за более чем пятьдесят лет — Действительным членом Нью-Йоркской академии наук.

Он умел аргументировать и отстаивать свои взгляды. Это ему во многом помогало. Но, к сожалению, это же ему и мешало. Он никогда не мог усмирить свою научную гордыню и ради конъюнктурной однодневки поступиться исторической или юридической правдой. Поэтому и страдал. В советские времена случился такой период, когда ясновельможные паны из ЦК и из МИД запретили печатать его статьи на международные темы всем газетам, журналам, издательствам. Его сняли со всех работ. Но жить-то надо было. И вот тогда он начал писать о кулинару и геральдике. Как и все, о чем писало его перо, у него получалось замечательно и это. Но свою международную тематику он не забросил. О внешней политике он писал в стол, так сказать, для будущих времен.

Однако, с тех пор он стал говорить друзьям, что за ним наблюдают, следят, кто-то приходит к нему в дом и роется в его рукописях. Приятели, к сожалению, воспринимали все это, как чудачества гения.

В последние годы он написал ряд острых научных статей, в которых отстаивал свои взгляды: о российском Крыме и о российском Севастополе, о грузино-абхазских отношениях, о том, как следует решать судьбу Чечни, о миротворческом процессе в Таджикистане, о проблемах русскоязычного населения в Прибалтике, о святыхне России — мавзолее Ленина.

Служка за ним возобновилась. Только теперь он говорил, что делают это, в основном, какие-то кавказцы. Мы призывали его к осторожности. Да и он сам это понимал.

И вот наступило 22 марта . . .

Его тело нашли только 13 апреля. Он жил один, и никто не решился попросить милицию взломать дверь. Его нашли в кровати в “полном парадном костюме”, обезображенным и убитым и временем (в те дни в Подмоскowie стояла жара).

А подробности события того дня мы воспроизводим по данным и предположениям судебно-медицинской экспертизы и следствия.

Мы не предрекаем выводы следствия, но мы базируемся на материалах, которые имеются в нашем распоряжении, в том числе и в распоряжении следствия.

Мы не воспроизводим в этом некрологе вехи его научной биографии, тем более, что читателям он хорошо знаком и по статьям и по научной биографии, которую можно прочитать в № 4 “Московского журнала международного права” за 1997 год.

Он многое еще мог бы сделать. Многое мог написать. Всегда бодрый, подтянутый, стройный, подвижный как ртуть и умеющий держать себя в форме, следящий за своим здоровьем, поговаривал: “Я собираюсь работать до ста лет”. И мог бы . . .

Хочется надеяться, что это дикое преступление будет раскрыто и не останется “висяком” на совести наших правоохранительных органов и спецслужб.

Группа товарищей — выпускников МГИМО 1949 года — того года, в который окончил институт и сам В.В. Похлебкин.

Москва, Головинское кладбище 24 апреля 2000 года

Здесь состоялись похороны Вильяма Васильевича Похлебкина. Множество людей.

Сюда пришли почти все, находящиеся в Москве, его товарищи-однокурсники, которые, как и он, поступали 55 лет назад в МГУ имени М.В. Ломоносова на международный факультет (вскоре он был преобразован в Институт международных отношений), придя с фронта или с производства, или на “отлично” окончив школу, или долгие месяцы отлежав в госпиталях, — шла Великая Отечественная война. На кладбище собрались и представители Государственной Думы, и МИД России, и МГИМО (У) МИД Российской Федерации (низкий поклон ректору этого Университета — Анатолию Васильевичу Торкунову, — он выделил средства на организацию похорон), и представители ряда издательств, где публиковались труды Вильяма Васильевича, и ученые-скандинависты, и студенты, которые увлеченно читают его книги, и много просто почитателей его талантов. Здесь же и родственники покойного.

Венки, цветы. Военный оркестр играет траурные мелодии. Музыка прерывается. Проходит здесь же на кладбище гражданская панихида.

Гражданская панихида памяти Вильяма Васильевича Похлебкина проходила на Головинском кладбище. На нее собрались родственники и друзья покойного, представители МГИМО, издательства и средств массовой информации, где он публиковал свои работы, его многочисленные почитатели. Три года он провел на фронтах Великой Отечественной, и потому в последний путь его проводить прибыла рота армейского почетного караула и военный оркестр комендантуры Москвы — Министерства обороны России. На снимке можно также увидеть воинское Красное Знамя с траурной черной лентой.

Выступает главный редактор “Московского журнала международного права”, профессор МГИМО (У) МИД России ПАРХИТЬКО Всеволод Петрович

Дорогие друзья! Уважаемые родственники погибшего!

Сегодня мы прощаемся с Вильямом Васильевичем Похлебкиным. Он погиб трагически, как великомученик.

Его убили садисты, изуверы, нелюди. А средства массовой информации — телевидение и газеты — распространяют о нем после этого две огромных неправды.

Первая состоит в том, что его пытаются представить каким-то кулинаром и даже просто поваром. Да, он писал книги о кулинарии, и этим своим творчеством он был известен миллионам людей. Да, он прекрасно готовил, знал множество самых диковинных рецептов, умел удивить своими блюдами двести персон, как это было на приеме в Риме, или создать изысканный обед на двадцать приглашенных гурманов, как это случилось в том же Риме для членов итальянского правительства и жюри конкурса имени Ланге Черетто, международной премии которого он был удостоен. Да, он и в обыденной жизни готовил для друзей так, что пальчики оближешь . . .

Но не это являлось для него главным. Это было, как говорят, всего лишь хобби. А главным стало то, что он воспитал в себе великого ученого. Историка, скандинависта, юриста-международника, специалиста в области геральдики и эмблематики, политика, если хотите, с собственным видением развития событий. За это собственное видение он и пострадал еще в годы советской власти: ортодоксы-чиновники и бюрократы усмотрели в его работах “отклонение от генеральной линии” и запретили всем газетам и журналам, издательствам и другим средствам массовой информации публиковать что-либо политическое под его именем. И тогда он стал писать свои труды “в стол”, “в ящик” в ожидании лучших времен.

Но жить-то надо было и тогда, надо было чем-то зарабатывать, чтобы существовать, а он умел это делать только своим пером. И вот в те тяжелые дни он пришел к кулинарии, стал публиковать свои кулинарные рецепты. А поскольку все, о чем он писал, у него получалось гениально, то и в этой области он сразу же добился феноменальных успехов, стал широко известен, а затем как бы по инерции занимался этим наряду со своей любимой историей, всю оставшуюся жизнь. После смерти газеты справедливо написали о нем “гений кулинарии”, но это была лишь малая толика правды. В равной степени его можно было бы назвать “гений истории” или “гений права” за его труды в этих областях науки. Да и он сам в кругу ученых считал себя прежде всего историком-скандинавистом. В 1999 году мы готовили книгу “Птенцы гнезда МГИМО’ва”, и там под портретами авторов стояли краткие определения их специализации. Он попросил поставить под его портретом емко и четко: “скандинавист”.

Вторая огромная неправда, которую растрезвонили по свету шелкоперы-журналисты и неумехи-следователи, — это выдумки о его каких-то баснословных богатствах. Отсюда родилась и версия о бытовом убийстве с целью ограбления. О якобы украденной коллекции орденов и медалей. Ложь все это! Не было у него ни златых гор, ни дорогих коллекций. Жил он на нищенскую пенсию да на гонорары от своих публикаций. А если гонорар был приличным, то ходил он по букинистическим магазинам и скупал раритеты. Его знали все букинисты Москвы и при случае припасали то, что он искал. За нужную книгу он готов был выложить большую сумму. Потому и скопилась в течение многих десятилетий его домашняя библиотека в несколько десятков тысяч томов редких книг. Но убийцы ее не тронули, она их не интересовала. А ордена и медали он умело рисовал, поскольку сам обладал талантом рисовальщика. Но и эти рисунки убийцы не интересовали.

Тогда что же? Им нужен был он, его нестандартный глубокий ум, проникающий в суть явлений. Его эрудиция обезоруживала оппонентов. Его ясные и хлесткие определения, убедительные аргументы, доскональные знания исторических фактов настолько серьезно воздействовали на читателя, что тот сразу же становился на точку зрения автора. Он был трибуном, научным авторитетом, нестандартные мысли, высказанные им, разделяли многие. Но не все. Недруги, чей авторитет он подрывал, ничего не могли ему противопоставить ни в научном, ни в политическом плане. Вот почему с ним хотели покончить. А врагов у него было немало. Среди них и те, кто возмущался его статьями об абхазах, как о независимом, гордом, самобытном народе, и те, кто ненавидел его за статьи о российском Крыме и российском Севастополе, и те, кто презирал его тонкий юридический анализ международно-правовых документов о мирном урегулировании в Таджикистане, и те, кто кривил губы в ухмылке, когда знакомился с его продуманными и простыми предложениями о налаживании отношений с новыми прибалтийскими государствами — бывшими республиками СССР, и те, кто открыто злобствовал по поводу его идей решения проблемы Чечни и всего Северо-Кавказского региона. Таким образом, мы в открытую заявляем, что его смерть — это политическое, заказное убийство.

Вильям Васильевич Похлебкин был великим человеком. Его имя станет в один ряд с такими знаменитыми историками России, как Татищев, Ключевский, Соловьев. Но они работали в прошлые века. Вильям Васильевич Похлебкин — это явление XX века.

Он родился и провел детство в Москве. Но в шестнадцать лет здесь же уже получил высшее образование: закончил факультет искусствования при Музее истории искусства. А потом были фронты Великой Отечественной войны. Сначала воевал в разведке, затем был переведен, как смелый и грамотный красноармеец, в штаб дивизии. Рядовой служил на должности капитана. Он был одним из тех, кто своим письмом обратил внимание высшего руководства страны на то, что нужно беречь образованные кадры, делать на них ставку, сохранить их для будущего переустройства мира.

Наверно, по письмам таких, как Похлебкин, и было принято знаменитое решение Политбюро ЦК ВКП(б) и правительства о создании Института международных отношений и о пополнении рядов его студентов частично за счет отличников с неоконченным высшим образованием, отзывавшихся с фронтов Великой Отечественной. Именно так и самого Похлебкина отозвали с фронта.

Он стал блестящим студентом. Уже в институтские годы он писал такие работы, что его награждали за них и Министерство высшего образования и Министерство иностранных дел.

А затем жизнь — сплошное горение. Горение во имя науки. Бесконечная череда написанных им книг, статей, брошюр, детальных справочников. Он один издал огромный справочник “Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах”. Этот труд вряд ли под силу большому коллективу ученых — какому-нибудь институту. Вильям Васильевич выполнил его один. И теперь большие коллективы могут писать исторические труды, черпая факты из этого справочника.

Заслуга Похлебкина состоит в том, что он по-новому заставил нас посмотреть на развитие отношений нашей страны с Финляндией, и тем самым способствовал укреплению дружеских связей с этой северной соседкой. Не зря и финская сторона высоко оценила этот его вклад: он стал единственным гражданином нашей страны, которого финское правительство наградило почетной медалью Кекконена.

Заслуга Похлебкина состоит в том, что он впервые систематизировал огромное число гербов и эмблем России, впервые выпустил большой справочник и в этой сфере историографии.

Заслуга Похлебкина состоит в том, что он впервые собрал воедино и систематизировал в стройный исторический ряд всех ханов Золотой Орды — той самой Орды, в которой отсутствовала письменность и даты по которой приходилось ему собирать либо по косвенным европейским источникам, либо по данным нумизматики — изучения монет в самых разных музеях, зачастую в глухих провинциальных городках нашей страны.

Заслуга Похлебкина состоит в том, что он своими трудами как глыба возвысился в нашей отечественной науке, возвысился настолько, что его заметили далеко за океаном, в Америке, где он сам никогда не бывал. И не только заметили, но и сделали — причем единственного в XX веке представителя гуманитарных наук нашей страны — действительным членом Нью-Йоркской академии наук.

Заслуги его перед наукой, перед Родиной можно перечислять долго. Их надо изучать и систематизировать. Мы уверены, что найдутся ученые-историки, которые будут делать это.

Но уже сейчас хочется сказать, что он никогда не отдыхал в общепринятом понимании этого слова. Он не ездил ни на курорты, ни в дома отдыха. Со студенческих лет он выработал правило — с наступлением лета брал в руки посох, вешал за плечи котомку и отправлялся в научный поход по деревенькам Севера нашей страны. И шагал по тропам, проселкам и большакам. Собирал предметы быта, утварь, иногда шкуры, а чаще всего книги. Старинные книги были его страстью.

Все мы остаемся в детях. В своих детях остался и наш друг Вильям Васильевич Похлебкин. Он дал им высшее образование. Они находятся здесь, среди нас и мы им выражаем самые глубокие соболезнования в связи с драматической гибелью их родителя. Его дочь — Гудрун, преподаватель Тартусского университета, ученый-антрополог, которая готовится защищать докторскую диссертацию. И сын Август, который учился в Московском полиграфическом институте и является редактором по специальности.

Хочется верить, что это злодейское убийство бессребреника, человека чистой души, гениального ученого будет раскрыто, что бандиты и негодяи не останутся безнаказанными, а правоохранительные органы выставят их на суд народный и на суд истории.

Выступает представитель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации КОНСТАНТИНОВ Валерий Алексеевич

Уважаемые родные и близкие Вильяма Васильевича, уважаемые коллеги!

Сегодня мы прощаемся с одним из выдающихся ученых нашего столетия — Вильямом Васильевичем Похлебкиным. Это был не только великий ученый, внесший огромный вклад в развитие отечественной и зарубежной науки, но и прекрасный практик, оказавший неоценимую помощь многочисленным международным, государственным и общественным организациям, а также гражданам. Особо хотелось бы отметить его существенную помощь нижней палате российского парламента — Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. Подготовленные Вильямом Васильевичем Похлебкиным справки, заключения, записки и иные документы, а также его научные работы, выполненные на высочайшем уровне, распространялись среди депутатов Государственной Думы и сотрудников аппарата, что свидетельствовало о большой практической и государственной значимости его трудов.

Причем интерес к его работам был настолько высок, что все его статьи, появившиеся в “Московском журнале международного права” и в журнале “Международное право — International Law” размножались по числу депутатов в

— В наших списках он значился как эксперт-энциклопедист, — заявил представитель Государственной Думы В.А. Константинов на гражданской панихиде, состоявшейся на кладбище.

количестве 450 экземпляров и вкладывались в качестве обязательного документа в досье каждому депутату. В списках Государственной Думы Вильям Васильевич значился как эксперт-энциклопедист.

Достаточно привести такой весьма характерный пример: на основании его заключения о государственном гимне Российской Федерации Государственная Дума приняла в первом чтении законопроект, в соответствии с которым нашему Государству возвращалась музыка прежнего Гимна Советского Союза, автором которой является композитор Борис Анатольевич Александров.

Важно подчеркнуть, что вся жизнь и работа Вильяма Васильевича была направлена на укрепление могущества нашего государства, усиление его роли на международной арене и защиту национальных интересов Советского Союза и России.

К сожалению, в настоящее время далеко не всегда можно говорить об отстаивании такой патриотической позиции со стороны наших государственных органов.

Помимо всего вышесказанного Вильям Васильевич обладал очень высокими человеческими качествами, это был честнейший, умнейший и порядочнейший человек, общение с которым всегда оставляло приятное впечатление.

Мы постараемся приложить все усилия к тому, чтобы продолжить то великое дело, которое начал Вильям Васильевич Похлебкин. Память об этом выдающемся человеке навсегда останется в наших сердцах.

— И российские, и зарубежные ученые говорят о нем, как о великом историке и политологе-скандинависте, — сказал В.Е. Можяев, многие годы работавший в МИД СССР и несколько лет пребывавший на посту советника в посольстве Советского Союза в Стокгольме.

Выступает МОЖАЕВ Всеволод Евгеньевич — от ученых-скандинавистов

Уважаемые друзья, товарищи, родственники Вильяма Васильевича!

Мы прощаемся сегодня с действительно незаурядным человеком. Он был не только глубоким разносторонним ученым, но и прежде всего ученым-скандинавистом до мозга костей. Чем бы он ни занимался впоследствии в жизни, для нас, кто знал его все эти долгие годы, он останется в памяти как серьезнейший ученый-скандинавист. И российские, и зарубежные представители науки говорят о нем, как о великом историке и политологе-скандинависте.

И одновременно с этим его труды, вся его научная деятельность опровергают суждение о том, что если человек занимается какой-то узкой специализацией, то от этого страдает широта знаний. Наш Август — Вильям Васильевич на самом деле за что бы ни брался, за какую-либо отрасль знаний, ветвь науки, сферу практики, всегда все он делал основательно, как говорят, копал глубоко.

Сегодня я прочитал в "Независимой газете" о том, что президент Финляндии Кекконен считал книгу Вильяма Васильевича Похлебкина о нем, как о президенте страны, таким трудом, который был ему, как высшему государственному деятелю своей страны, больше всего по душе. До того, как я прочитал книгу

Похлебкина о Кекконене, у меня были личные контакты с президентом Финляндии, и я считал, что знаю о нем достаточно много, но по мере того, как я читал эту книгу, я открывал для себя все больше и больше нового. Этим и отличались его труды. За что бы он ни брался, что бы ни описывал, самым характерным для него была глубина проникновения в описываемый предмет. И еще — обязательно новый, своеобразный, оригинальный подход к любой теме, какой бы трудной она ни была.

Нам всем, его друзьям будет очень не хватать нашего дорогого Августа, как мы привыкли его звать со студенческих лет. Нам будет не хватать его в нашей науке — скандинавистике, во всех делах наших, в жизни, а делом своей жизни он, конечно, считал ее — свою родную скандинавистику.

Еще хотелось бы отметить одну важную черту его характера, — он был человеком очень добрым в личном плане, никогда никому в дружеском кругу не желал зла. Умел и часто приходил на помощь, если надо было что-то написать, отредактировать.

Сегодня я хотел бы выразить надежду, что тех выродков, которые убили этого замечательного человека, постигнет заслуженное возмездие. Очень надеюсь, что наша милиция, наконец, сможет найти этих злодеев, — другого слова, чтобы их назвать, я не подберу, да и не хочу подбирать.

Да, мы прощаемся сегодня с Вильямом Васильевичем. Но я хотел бы сказать, что мы никогда его не забудем, сколько будем жить, столько он и останется в наших сердцах. Пусть же прозвучит эта фраза, как торжественная клятва, в нынешний траурный день.

Как о великом ученом и прекрасном авторе-публицисте, историке-международнике говорил о Вильяме Васильевиче Похлебкине генеральный директор издательства "Международные отношения" Б. П. Лихачев.

Выступает генеральный директор издательства “Международные отношения”
ЛИХАЧЕВ Борис Петрович

Говорить трудно над этим гробом. Тем более, что прекрасные и точные слова уже прозвучали. Могу только присоединиться к ним.

И от себя лично могу добавить, что 47 лет близкого знакомства, совместной работы с Вильямом Васильевичем дают мне основания сказать кое-что от себя. В этот печальный трагический день мы еще раз убеждаемся, что погиб совершенно незаурядный человек, в котором была самая главная составляющая. Не мои слова, они сказаны одним из наших друзей, но я полностью под ними подписываюсь: “Это был ученый, человек, который был бы ученым в любое время, в любую историческую эпоху, в любой стране”.

Он был ученым, предельно далеким от какой-либо сухости; все, кто с ним сталкивался хоть однажды, прежде всего, запоминали этот огромный человеческий темперамент, это неравнодушие, которое было свойственно ему во всем — и в большом, и в малом.

Наше издательство гордится тем, что мы всегда имели самое тесное отношение к его публикациям. Здесь уже была упомянута моим другом Всеволодом Евгеньевичем Можаявым книга о Кекконене. Она была издана в нашем издательстве. Но перед ней была издана другая книга — книга, покрывающая многовековую историю российско-финляндских и советско-финляндских отношений. Я упоминаю ее не только потому, что она являет собой необычайно ценный научный труд. Меня заставляет вспомнить об этом прямая подсказка — упоминание о Кекконене.

В свое время, еще будучи президентом Финляндии, Урхо Калева Кекконен по какому-то случаю сказал, обращаясь с упреком к финским политикам и историкам, что в Финляндии нет книги, которая бы достойно и правильно отражала бы и выражала суть национальной истории Финляндии. Он добавил: “С одной оговоркой. Мы должны с печальной грустью для себя признать, что такая работа есть, и она сделана не финном, а русским, марксистским, — как он добавил с сожалением, — автором — Вильямом Похлебкиным”.

Но этой книге повезло, и ее вот так отметили. А по существу каждая сделанная им работа заслуживает самых высоких и серьезных, если хотите, таких же отзывов.

Последнее, что он делал с нашим издательством — это многотомный, задуманный им справочник “Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах”. Однако, к сожалению, он останется незавершенным. Это — не просто какая-то одна единовременная работа. Это — послание в будущее.

Если мы виноваты перед Вами, Вильям Васильевич, простите нас, простите!

— *Особенность его творчества состояла в том, что он был гениален во всем, за что брался писать. Так, его кулинарные рецепты знали миллионы читателей, —* сказал главный редактор издательства “Центрполиграф” И.А. Лазарев.

Выступает главный редактор издательства “Центрполиграф” ЛАЗАРЕВ Игорь Анатольевич

Дорогие друзья, коллеги, близкие и родные Вильяма Васильевича!

Издательство “Центрполиграф” с большой радостью дружило с Вильямом Васильевичем Похлебкиным в течение многих лет. Да, мы много лет знали его, но, наверное, не так много, как те близкие и коллеги, которые присутствуют здесь, но все-таки достаточно много.

За этот срок он стал также и для нас родным и близким человеком. Мы были всегда рады встречам с ним на книжных выставках или в нашем издательстве. Его гибель — невосполнимая потеря для всех нас.

Невозможно пока до конца осознать, что значит эта потеря для истории нашей страны. Особенность его творчества состояла в том, что он был гениален во всем, за что брался писать. Так, его кулинарные рецепты знали миллионы читателей.

Мы издавали его книги по кулинарному искусству. В том числе такие книги как “История водки”, “Чай”, “История русского кулинарного искусства” и многие другие.

Нет такого человека, нет никого, кто мог бы заменить его на этом поприще. Вильям Васильевич оставил большое наследие своей стране, своим потомкам. Я имею в виду его литературное и научное наследие.

Мы помогли издать ему полную библиографию его работ небольшим тиражом. Весь последний год, он жаловался на здоровье и на то, что он доживает свои последние дни. Мы тогда ему говорили: "Вильям Васильевич, что вы! Да Вы полны энтузиазма, у Вас столько энергии, вы как кипящий котел, у вас все еще впереди". Мы задумали издать серию его книг по истории второй мировой войны. Книги по кулинарии "Дальневосточная кухня", "Скандинавская кухня" и "Американская кухня".

Все наше издательство, все наши друзья скорбят о Вильяме Васильевиче. Вильям Васильевич, если мы виноваты перед Вами, простите нас, простите!

— Великий патриот и честный труженик, у которого на первом месте всегда была правда истории, — так охарактеризовала своего друга и однокашника доктор исторических наук, профессор В.С. Кисляков.

Выступление доктора исторических наук КИСЛЯКОВА Вальтера Сергеевича — от имени сокурсников

Трудно говорить, когда расстаешься с очень близким человеком, с которым мы, его сокурсники за 55 лет сжились.

Вильям, — а мы все звали его Август, он так больше любил, — Похлебкин принадлежит к тому героическому и трагическому поколению мужчин, которые родились в 1922 и 1923 году и которых после Великой Отечественной войны осталось-то всего два или три процента на всю оставшуюся жизнь.

А он, Вильям Васильевич, как бы был благодарен судьбе за это и работал во всю и за себя и за тех, которые не вернулись с фронтов. Он действительно был одержим работой.

Бытует мнение, что энциклопедичность человека существовала где-то в далеком XVIII веке. Однако Август был нашим, XX века, энциклопедистом. Он всегда всех поражал своими знаниями, эрудицией. Трудно сказать, чего он не знал. Думаю, что будущим биографам Августа Похлебкина, — а таковые непременно будут, — придется немало потрудиться, чтобы собрать все им написанное. А написано им было очень многое, особенно много неопубликованного.

Вот Борис Лихачев говорил, что он с ним давно работал. Но не так-то просто было пробиться к его рукописям. Возьмите, к примеру, “Историю Хорватии с древнейших времен”, или же, например, такая же неопубликованная рукопись на полторы тысячи страниц “Внешняя политика Норвегии XX века”.

Откуда у него все это? Научная одержимость, подвижничество, горение в работе — вот его характерные черты. И все это развивалось с детства.

Здесь наш сокурсник Володя Пархитко (я его по-своему, без “а батюшке”, называю) говорил, что в 16 лет он закончил институт, да не просто закончил. В прошлом году я пришел к Августу и гляжу, стоит у него бюст Вольтера. “Откуда это?” — спрашиваю. А он в ответ: “А я этот бюст получил вместе с грамотой об окончании института”. И показал мне грамоту, где написано, что он был лучшим среди окончивших институт. Случилось это буквально накануне войны. В грамоте стояла дата “14 июня 1941 года”.

Когда он пришел в МГИМО, то он тоже был не таким, как все. Студенты в летние каникулы обычно уезжали на отдых, поближе к солнышку, на юг. А наш дорогой Август отправлялся в глушь Севера России собирать редкие книги и всякие другие раритеты. Но не из меркантильных интересов, а для себя, чтобы сохранить для потомков и чтобы использовать в своих научных интересах.

В прошлом году он снова удивил и всех нас и научную общественность России своей потрясающей работой. Называлась она “Все ханы Золотой Орды”. Мне он рассказывал, что добрался до книги одного малоизвестного австрийского историка, жившего в начале XIX века. Книга была более тысячи страниц, и написано все это было древним готическим шрифтом. Даже нынешние немцы не знают, как его читать. А Август мне рассказывал, как он с лупой рассматривал и читал этот мелкий шрифт. И все более тысячи страниц. Можете себе представить, каким был этот титанический труд!

О нем можно говорить еще много.

Вот здесь перед началом этой траурной церемонии мы обменялись разными идеями, как увековечить его память. И появилась мысль, а что если мы создадим книгу воспоминаний о нем? Пусть напишут о нем и сокурсники, и не только сокурсники. Все, кто может вспомнить что-то свое об этом замечательном уникальном человеке.

Август до конца дней своих оставался верен своим идеалам юности, идеалам марксизма, идеалам той фамилии, которую носил. Многие считали, особенно те, кто знакомился с его творчеством по кулинарным книгам, что это не его фамилия, а псевдоним. Да это псевдоним, ставший фамилией. Но не его псевдоним, а псевдоним его отца, подпольщика-революционера с дореволюционным партста-

жем. А настоящая фамилия отца — Михайлов. После революции отец оставил свой псевдоним как фамилию, а затем передал ее детям. Вместе с фамилией отца Август-Вильям сохранил и его идеалы.

В последнее время Август поднял свой голос в защиту нашей святыни — мавзолея Ленина. Он опубликовал на эту тему статью в “Московском журнале международного права”, она была перепечатана из журнала в газете “Советская Россия”. Он выдвигал веские доводы в защиту мавзолея, объяснял, почему эта национальная святыня России должна быть сохранена, и статья получила широкий резонанс по всей стране. Мавзолей удалось сохранить, но автор статьи не сумел сохранить себя! Печальный факт!

Пусть нам, хоть и слабым, но все же будет утешением, тот факт, что живут его тысячи, десятки тысяч книг, изданных на четырнадцати языках мира.

Сейчас мы хороним по-настоящему великого сына России. Но он не умрет не только в наших сердцах и в нашей памяти. Он и дальше будет жить в своих книгах. Начинается его вторая жизнь. Он — великий патриот и честный труженик, для которого на первом месте всегда была правда истории.

Недавно я прочитал трехтомник Вадима Коженова “Россия, XX век”. Там в разделе о второй мировой войне, о которой, как мы знаем, написаны десятки тысяч книг, Коженов несколько раз использует книгу нашего дорогого Августа “Великая война и несостоявшийся мир”.

Верно, что написанное им перейдет и в будущие поколения, его будут читать, и так он будет жить. Потому что только слову дано бессмертие.

Прости нас, дорогой Август, что мы не смогли сохранить тебя и прощай. Пусть будет тебе земля луком!

От имени МГИМО (У) МИД России слова скорби произнес президент Ассоциации выпускников Университета, Чрезвычайный и Полномочный Посол Р. А. Сергеев.

Выступление президента Ассоциации выпускников МГИМО, Чрезвычайного и Полномочного Посла России СЕРГЕЕВА Ростислава Александровича — от МГИМО (У) МИД РФ

Уважаемые родные и близкие покойного, уважаемые сокурсники Вильяма Васильевича Похлебкина, уважаемые товарищи!

Сегодня мы прощаемся с человеком, одной из главных отличительных черт характера которого были его твердые убеждения. Эти убеждения он пронес через всю свою жизнь. И тогда, когда был разведчиком на фронте Великой Отечественной войны, и тогда, когда в стране началась капиталистическая перестройка. Своим идеалам он никогда не изменял. Именно это вызывало ненависть многих, которые знали о таланте Похлебкина. Именно это не могло успокоить тех, кто видел в нем своего противника.

Тогда, когда он написал статью об Абхазии, тогда, когда он написал статью о мавзолее Ленина, тогда, когда он написал статью о деятельности Сталина, и тогда, когда он писал о кухнях народов мира, о чае, о волке. Все это ставилось ему в вину. А главное — его популярность, его глубокие, нестигаемые убеждения. То, что отличало его, сейчас стало редким явлением.

Вильям Васильевич помнил очень хорошо свой институт, написал прекрасные воспоминания в книге “Птенцы гнезда МГИМО’ва”. В этой книге он повторил все то, что думает о нашей истории, о Родине, о своей собственной судьбе.

Уважаемый Вильям Васильевич! Мы благодарим тебя за то, что ты был скромным и нестигаемым человеком. Мы будем помнить о тебе всю нашу жизнь и передадим эти воспоминания нашим детям.

Прощай, дорогой Вильям Васильевич Похлебкин!

О прекрасном наследии для нынешних студентов, каким стали книги и статьи историка и юриста-международника В.В. Похлебкина, говорил президент Студенческого центра политических и экономических исследований МГИМО-Университета Сергей Налобин.

Выступает президент Студенческого центра политических и экономических исследований МГИМО—Университета НАЛОБИН Сергей Николаевич — от студентов-международников

Уважаемый Вильям Васильевич!

В сердцах многих поколений студентов МГИМО навечно останутся Ваши труды, посвященные таким разнообразным и интересным темам. Наши предшественники и мы вместе с ними до сих пор захлеб читаем Ваши книги, такие интересные, такие удивительные, такие живые и нескучные.

Вильям Васильевич, для многих поколений студентов МГИМО Вы были не только гигантским источником знаний, Вы были своего рода духовным наставником для нас и продолжаете оставаться и будете оставаться им многие и многие годы.

Мы, студенты МГИМО, никогда не забудем то, что Вы не только закончили наш институт, но и то, что Вы сделали, чтобы наше обучение в нем стало лучше и интереснее.

Мы всегда будем помнить о Вас, Вы навсегда останетесь в наших сердцах, и мы обещаем, что будем использовать знания, полученные из Ваших книг, на благо нашего государства.

Мы выражаем глубокое соболезнование родственникам и друзьям Вильяма Васильевича Похлебкина от имени студентов МГИМО.

Мы говорим о том, что никогда не забудем Вас, никогда не забудем Ваш вклад в науку и практику международных отношений и международного права. Мы сделаем все, чтобы увеличить этот вклад в дело укрепления нашего государства, нашей Родины, в дело изучения тех огромных пластов информации, которые еще не изучены, и сохранения этой информации.

Спасибо Вам, Вильям Васильевич!

Траурная процессия направилась к месту захоронения.

Друзья-сокурсники бережно подносят гроб к могиле. Вильям Васильевич Похлебкин будет покойться в той же могиле, где свыше шестидесяти лет назад был похоронен его отец, а несколько позднее и его мать.

Гроб опускают в могилу. Над кладбищем звучит залп ружейного салюта роты почетного караула — так всегда до сих пор провожают в последний путь воинов — фронтовиков Великой Отечественной войны.

... А еще через несколько минут под звуки военного бравурного марша рота почетного караула, равняясь на свежую могилу и чеканя шаг по асфальту кладбищенской дорожки, отдает последнюю почесть великому сыну нашей страны — российскому энциклопедисту Вильяму Васильевичу Похлебкину.

У великого ученого остались хорошие дети: Август — редактор по образованию и Гудрун (справа в темных очках) — антрополог, которая готовится к защите докторской диссертации.

* * *

Профессору Анатолию В. ТОРКУНОВУ, ректору Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Дорогой Анатолий Васильевич.

С чувством глубочайшей скорби Международный Комитет Красного Креста узнал о трагической гибели Вильяма Васильевича Похлебкина, одного из самых знаменитых выпускников Вашего Института, эксперта по истории Скандинавии, блестящего ученого, действительного члена Нью-Йоркской Академии Наук.

Светлая память о Вильяме Похлебкине будет вечно жить в наших сердцах и в сердцах тех, кто знал его как великого Российского ученого, историка-международника и очень доброго человека.

Примите, пожалуйста, г-н Ректор, самые искренние соболезнования в этот скорбный день.

ЛОРА ОЛСОН, делегат, руководитель университетских и академических программ Московской региональной делегации Международного Комитета Красного Креста.

Москва, 27 апреля 2000 года.

* * *

В редакцию “Московского журнала международного права”

Примите мои самые глубокие соболезнования по поводу трагической гибели великого ученого современности Вильяма Васильевича Похлебкина.

Он был совестью международного права. Никогда не боялся ни говорить, ни писать открытую правду. Никогда не приносил свою научную истину в жертву сиюминутным политическим интересам. Например, возьмите проблему Абхазии. И в устных беседах, и в своих статьях он выступал за ее независимость.

Он оставался настоящим ученым и этим отличался от конъюнктурного политика. Политик в жизни руководствуется злободневными соображениями, а ученый всегда выступает за рациональную линию, даже если она зачастую не совпадает со злобой дня. Разница состоит в том, что для ученого всегда важнее истина, принципиальность, и в конечном итоге он всегда оказывается прав. Хотя и случается, что для окружающих он иногда кажется неправым.

Наш погибший друг был именно таким настоящим ученым.

ГЛЕБ СТАРУШЕНКО,
член-корреспондент Российской Академии Наук,
лауреат Международной премии Гуго Гроция за 1997 год в номинации
“Заслуженный российский ветеран международного права”.

Свои соболезнования передал по телефону из Тюмени член-корреспондент Российской Академии Наук, лауреат Международной премии Гуго Гроция за 1998 год в номинации “Лучший в России юрист-международник” КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович. Он сказал:

— Это большая потеря и для науки, и для нашего общества, и для нашей страны — России. Вильяма Васильевича Похлебкина знали везде — и в центре, и у нас, в Сибири. Мне довелось с ним увидеться всего лишь один раз, когда ему в 1999 году вручали международную премию имени Гуго Гроция. Открытый и непосредственный в общении, он по-простому хотел как-то сделать приметной нашу встречу и сказал, что готов подарить мне свою книгу об истории водки. Но так и не состоялась наша следующее свидание. Зато в ту, первую и единственную встречу, я имел возможность послушать его лекцию о времени Гуго Гроция. Его эрудиция, конечно, поражала. И я сейчас понимаю, что нам всем будет его не хватать.

Могила В.В. Похлебкина на Головинском кладбище сразу после похорон.